

МАРГИНАЛЬНЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ТЕКСТЫ РУССКИХ ТРЁХРЕЧЬЯ: ЧАСТНЫЕ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ МАРГИНАЛЬНОЙ ЭТНИЧНОСТИ

Marginal Written Texts of Russians of Trekhrechy:
the Private History of the Marginalized Ethnicity Forming

Анна Анатольевна Забияко, Андрей Павлович Забияко
sciencia@yandex.ru

Амурский государственный университет (Благовещенск, Россия)

Anna Zabayako, Andrey Zabayako
sciencia@yandex.ru

Amur State University (Blagoveshchensk, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 14.10.2017

Fecha de evaluación: 17.12.2017

Cuadernos de Rusística Española nº 13 (2017), 229 - 242

ABSTRACT

The authors focus on the representatives of the Russian of China, living in Trekhrechy (Sanhe Qu), Northeast China. Currently, there are still several villages where the descendants of Russian settlers, mostly mestizos born of mixed parentage live. The most important features of ethnicity for this ethnic group are Russian language, folklore, adherence to the Orthodox tradition, identifying their fate with the history of Russia. On the basis of field research the authors found that one of the important methods of formation and fixation of ethnocultural identity of Russian inhabitants of this region are memorates and marginal texts, existing on the border of speech and writing (notes in the margins of Russian books, letters of the inhabitants of Trekhrechy, the diaries-songbooks). Such texts reflect the marginal ethnicity of Russian inhabitants of Trekhrechy.

Keywords: Trekhrechy (Sanhe Qu), the Russian of China, marginal texts, ethno-cultural identity, marginal ethnicity.

РЕЗЮМЕ

В центре внимания авторов статьи – представители русского населения Китая, проживающие в Трёхречье (Саньхэ, северо-восток Китая). В настоящее время сохранилось несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном – метисы, родившиеся в смешанных браках. Для этой этнической группы важнейшими признаками этничности являются русский язык, фольклор, следование православным традициям, соотнесение своей судьбы с историей России. На основе полевых исследований авторы статьи обнаружили, что одним из важных способов формирования и фиксации этнокультурной идентичности русских Трёхречья являются мемораты и маргинальные тексты, бытующие на границе устной и письменной речи (пометы на полях русских книг, письма трёхреченцев друг другу, дневники-песенники). Эти тексты отражают маргинальную этничность русских потомков в Трёхречье.

Ключевые слова: Трёхречье, русские Китая, маргинальные тексты, этнокультурная самоидентификация, маргинальная этничность.

Материалы данной статьи были собраны авторами в ходе трёх международных экспедиций в район Трёхречья (Саньхэ, северо-восток Китая). В них принимали участие русские и китайские ученые – этнографы, религиоведы и филологи (июнь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзянлин; сентябрь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Чжан Жуян; май 2016 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян).

В настоящее время в Трёхречье, расположенном во Внутренней Монголии КНР, существует несколько деревень, населённых, в основном, «полукровцами» – людьми, родившимися в смешанных браках русских и китайцев. История возникновения этого региона описана в работах Ю.В. Аргудяевой (2016) и В.Л. Кляуса (2015). Образ жизни «полукровцев» исторически связан с деревенским бытом. Последние годы некоторые из них сочетают крестьянский труд с туристическим бизнесом. В 50-е годы прошлого века некогда многочисленные русские школы в Трёхречье были закрыты, русские учителя уехали либо в СССР, либо в Австралию. Страшные события «культурной революции», нищета многодетных семей не дали многим русским трёхреченцам возможность получить даже начальное или среднее образование в китайских школах.

Официально они определяются как «русская народность Китая» – такое словоупотребление распространено в китайских источниках (Янь Гуанцин, Дун Сянчжуй 2013: 24). В обыденной жизни они называют себя русскими, «русской нацией». По данным Янкова А.Г., Тарасова А.П. (2012: 12), к таким русским себя относит более тысячи человек. Однако формальные записи в паспорте, сделанные часто по конъюнктурным соображениям, не являются определяющим признаком носителя русской этничности в Трёхречье. Разумеется, в каждой конкретной личности наличие, конфигурация и интенсивность отдельных основных признаков русской этничности варьируется. Необходимо, чтобы они присутствовали хотя бы частично и – главное – чтобы доминировали в этническом сознании и поведении человека. Важными факторами этнической самоидентификации русских Трёхречья, на наш взгляд, являются владение русским языком, следование православным традициям в их народном понимании, соотнесение себя с русской культурой и чувство личной причастности к судьбе России.

О православии русских Трёхречья авторами статьи опубликован ряд работ (2016 б: 96–111; 2016 в: 121–136). Постепенно количество православных трёхреченцев сокращается. Это – следствие влияния китайского образа жизни, отсутствия священника в приходе и утраты навыков владения русским языком. Русским разговорным языком на уровне понимания бытовой лексики владеет менее половины тех, кто называет себя русскими, на уровне выражения собственных мыслей ещё меньше. Писать и читать могут некоторые представители первого поколения русско-китайских браков, у которых были, хотя и очень ограниченные, возможности получить основы письменной речи в школе, либо их отдельные младшие родственники, которые после открытия границы работали или учились в России. На основе полевых наблюдений В.Л. Кляус делает вывод, что в настоящее время в Трёхречье есть «не более 100–150 метисов, которые хорошо владеют русским языком» (2015: 21). Мы склонны согласиться с этой, на наш взгляд, оптимистической оценкой ситуации.

Речь большинства говорящих по-русски трёхреченцев имеет явные признаки забайкальского диалекта и сохраняет лексический колорит просторечного русского языка, почти не затронутого влиянием советской эпохи.

Так как большинство русских в Трёхречье неграмотны, функцию трансляции и сохранения русской культуры (речь идет о поколении 60–80-летних информантов) здесь выполняет фольклор – живая стихия русскости в данной этнической группе (Забияко, Забияко 2016 а: 160–172). Выразительные формы и ёмкость смыслов фольклорных образов и сюжетов стимулировали трёхреченцев к сохранению в своей среде русского языка и выступали в качестве доступного способа выражения этнокультурной идентичности.

В многообразии жанров фольклора в конкретных условиях Трёхречья особую роль играют, как нами установлено, мемораты и так называемые маргинальные тексты (2017 а: 156–164). В них нашел своё отражение индивидуально и коллективно значимый опыт сохранения этнокультурной идентичности русских трёхреченцев, запечатлевший память о об исторических и политических процессах XX в. в России и Китае, отношении к ним «полукровцев», о перипетиях личной судьбы, сплетавшейся с судьбой народа. Маргинальные тексты – тексты особого рода, бытующие на границе устной и письменной речи. Маргиналии – рисунки и записи на полях книг, рукописей, писем, содержащие комментарии, толкования, мнения относительно фрагментов текста или мысли, вызванные ими (Ефремова 2000: 876). Определяющими жанровыми чертами заметок на полях (маргиналий) является их реактивность, спонтанность и диалогичность по отношению к основному тексту. Такие пометы в лингвистике получили название «маргинальные записи», т.е. «записи, выполненные на полях и маргинальных страницах (последних страницах, обложке, форзацах) книг и тетрадей, имеющие попутный характер по отношению к базовому тексту» (Плаксина 2009: 75–78).

Маргинальные записи были обнаружены нами в личных бумагах одного из трёхреченских старожилов Ивана Васильева (2017 б: 218–226). Это заметки разного содержания на полях зачитанного «до дыр» соцреалистического романа А. Соколова «Искры» (1948), а затем таким же образом изученного Иваном отрывного православного календаря.

Помимо собственно маргиналий к маргинальным текстам трёхреченцев мы относим письма и дневники-песенники. Таким дневником-песенником, маргинальным текстом, является старый блокнот в синей клеёночной обложке – «поминутка», как назвала его сама владелица, Ирина Громова. Этот текст запечатлел историю духовной жизни русско-китайского билингва, человека, живущего в двух культурах и сознательно эту бикультурную компетентность в себе поддерживающего.

Ирина Громова, по мужу Якимова (1942 г.р.) – человек типичной для Трёхречья судьбы. Её дед – китаец – привёз себе русскую жену из России. Мать Ирины родилась в Трёхречье, в посёлке Гольдучи. Отец Ирины был этнический кореец, во время войны работавший на японскую армию и убитый в 1945 г. при отступлении японцев. Мать вышла замуж за «полукровца» Николая Ивановича Громова (кит. имя Ван Цзяжун), который воспитал Ирину. Н.И. Громов прославился в годы войны с японцами как смелый боец и отважный разведчик (работавший на китайскую и на советскую разведку). После разгрома японцев семья Громовых переехала жить в

Читинскую область, в пос. Нерчинский завод. Через 10 лет Громовы добровольно вернулись в Китай. Н.И. Громов разделил судьбу многих «полукровцев»: сильно пострадал во время «культурной революции» как советский шпион, репрессиям подверглась вся его семья. После «культурной революции» Ирина вышла замуж за «полукровца» Якимова, жила с мужем в п. Олочи. Затем Ирина переехала с мужем и детьми в г. Лабдарин, проработала 25 лет в средней школе № 1 (до 2003 г.), вырастила поколение учителей русского языка, став одной из авторитетнейших личностей в среде трёхреченских русских. В настоящее время Ирина живёт в Лабдарине.

История создания «поминушки» приобрела в сознании пожилой учительницы характер устойчивого нарратива: *«Вот уехали в Читинскую область, Нерчинский завод. Вот после этой войны [имеется в виду окончание войны с японцами в 1945 г.] и увезли [меня]. Мне 7 лет подошло, я пошла в школу, там выучилась, 5 лет училась, до 54 года.*

Когда мы опять обратно приехали в 55-м году в феврале, в первый класс пошла в китайскую школу. Мама, папка говорили по-китайски, а мы, две сестры, не говорили. Я потом думала: “Я по-китайски учусь, потом русские песни забуду”. Написала в тетрадке всё. Когда свободное время есть, сяду читаю, слёзы катятся. Как поминушка мне. Училась, у меня самые хорошие подружки были в Нерчзаводе. Я пошла в первый класс в 12 лет в китайскую школу, училась 6 лет в начальной школе, потом закончила среднюю школу в Драгоценке» (И. Громова).

Ведение «поминушки» во время учёбы в китайской школе потребовало от Ирины определённой смелости: *«Когда училась в Драгоценке в средней школе, у меня поминушка была в парте, из парты у меня её обозначили, сказали одноклассники учителю, они запомнили, что я по-русски училась, пишу» (И. Громова).* В 1980-е годы она фактически оказалась единственным человеком в Трёхречье, владеющим русским письменным языком в должной мере и способным обучить ему китайских детей и детей «полукровцев»: *«Потом, когда всё прогремело [закончилась «культурная революция»], меня бригадистом [бригадиром] поставили, потом в Лабдарине стала первая средняя школа, которая [китайская учительница] меня знала в Драгоценке, она стала руководителем в школе. Она про меня вспомнила, что “такая-то в Олочах живёт”. Они в Олочи позвонили, мы тогда поженились и в Олочах жили, у меня уже 2 дочери были и сын, вот они меня перевели в Лабдарин, я стала учить русскому языку в Лабдарине в средней школе. Сюда перевели в 78-м году, временным учителем, потом осталась» (И. Громова).*

«Поминушка» в жанровом отношении представляет собой традиционный для повседневной жизни русских девочек вид рукописного *девичьего альбома* (песенника), исследованный, в частности, А.В. Чекановой (2006). Очевидно, что начальный импульс ведения записей в «поминушке» Ирины был дан повальным увлечением советских школьниц 50-х гг. жанром альбома-песенника.

В отечественной науке пласт детского и подросткового вида творчества под названием «альбом-песенник» рассматривается как пограничный между городским фольклором и литературой (Неклюдов 1997: 3–7; Борисов 2002: 35). С литературой его сближает то, что в альбомах-песенниках фиксируются, как правило, песни и стихи литературного происхождения. Однако запись этих текстов содержит

искажения – о подобном явлении писал С.Н. Азбелев: «...Произведение существует в памяти и воспроизводится по памяти. Оно должно быть отнесено к фольклору» (Азбелев 1975: 21).

Помимо песен и стихов литературного происхождения альбомы-песенники включают в себя пожелания друзей, какие-то собственные сентенции автора либо понравившиеся ему чьи-то мысли, различные «секретики», анкеты и т.д. «Записи в альбоме делаются разными лицами в разное время (в отличие от книги, составляющейся, как правило, одним лицом в ограниченный промежуток времени) с общей целью: оставить владельцу альбома память о пишущих. В этой целевой установке заключается специфическая функция альбома как памятной книги – служить напоминанием (о конкретных личностях, событиях и т.п.)» (Чеканова 2006: 58). Все эти внутриальбомные жанры сближают девичий альбом с фольклорным текстом. Отмечено, что неперенными условиями формирования альбомной традиции считаются наличие замкнутой половозрастной или социокультурной группы и/или ситуация ограниченности способов творческого и эмоционального самовыражения. Ведение альбома в подобной ситуации становится терапией в кризисной ситуации, развитием языковых навыков, удовлетворением эстетического чувства (Бройдо 2008: 19).

После пяти лет обучения в советской школе, десяти лет жизни в русской среде и возвращения в фактически неизвестный ей Китай девочка Ирина попадает в «чужую» языковую среду и чужой детский китайский социум. Фактором ограничения самовыражения, *кризисной ситуацией* для Ирины становится её этнокультурная изолированность. Её подсознательное желание обозначить (хотя бы для себя) свою этнолингвистическую инаковость в среде китайских детей, не знающих русский язык, выливается на страницы дневника-песенника.

Ирина начинает вести «поминushку», когда память о читинских одноклассниках, о жизни в СССР ещё свежа. Однако «титульные» страницы оформляются уже в конце 1980-х гг., когда в Китае были пересмотрены репрессивные дела в отношении «полукровцев», образовано «Общество китайских эмигрантов» и семья Ирины смогла вздохнуть спокойно (во внутреннюю часть обложки блокнотика заботливо вложена старая цветная фотография той памятной встречи). Титульная страница открывается надписью на китайском: 你这才多少会写汉语了又不会了。伟大的祖国 («Здесь лишь небольшая часть написана по-китайски, а сколько еще не написано. Великая Родина»). И даты: 1958/7 – 2010/9.

Внутренняя структура «поминushки» двухчастная. Первую часть (правую сторону разворота от начала и до конца блокнота) составляют записи, которые юная Ирина начала делать с 1958 г. – когда вернулась в Китай и решила сохранять тексты русских песен. Вторая часть (оставшиеся незаполненными в юности листы левой стороны разворота) – более поздние записи адресов друзей, уезжающих в другие страны или регионы Китая, их пожелания хозяйке и друзьям в Трёхречье, оставляемые на память или новые песни, частушки (припевки), рецепты и т.д.

Орфографические и пунктуационные ошибки, которыми изобилует поминushка – свидетельство уровня образования самой владелицы, а также – свидетельство социокультурного состава пишущих в альбом «гостей»: в основном, это выходцы из крестьян, в лучшем случае, окончившие 2–3 класса русской школы.

«Поминушка» стала интимным свидетельством эпохи «большого скачка» в Китае – времени сложнейших идеологических и политических процессов внутри страны и в её отношениях с СССР. Листая страницы «поминушки», мы словно перелистываем страницы китайской истории тех лет в восприятии девушки-полукровки: на третьей страница расположена первая песня – «*Кантата о Сталине*» (муз. М. Инюшкина, сл. А. Александрова) (Песни о Ленине и Сталине 1952: 3) с пометой в скобках: «*торжественно*». Видно, что песня писалась по памяти, без соблюдения графического деления на строфы-куплеты, с пропуском 2 и 4 куплета, с употреблением форм детской этимологии непонятных мест. Далее, поступательно, на страницах 4, 5, 6, 7, 8 размещён знаковый репертуар советских песен послевоенной поры, также записанных по памяти как линейный текст. После рупора оптимистичного официоза «Весёлой песни» («Легко на сердце от песни весёлой...») – «Тёмная ночь»:

*Тёмная ночь только пули свистят
По степе, только ветер гудит
Проводами, только звёзды мерцают.*

*В тёмную ночь ты любимая
зная не спишь и у детской кровати
тайком ты слёзы утираешь*

*Как я люблю твои карие глазки
глаза, как я хочу к ним прижаться губами и щеками¹.*

В письменном варианте песни отразилось влияние трёхреченского говора и трёхреченских реалий: «любимая» обретает карие глазки не случайно – многие девушки-полукровки кареглазы. Следом идёт запись песни «Летят перелётные птицы». Сложное эмоциональное отношение юной Ирины к этой песне выражено визуальными образами – цветочек в углу и орнаментальное обозначение птиц-галочек после слов «А я остаюся с тобою, родная моя сторона, не нужно мне солнце чужое, чужая страна не нужна!».

«Комсомольская песня» (сл. А. Галича, муз. В. Соловьева-Седого, 1947 г.) сопровождается переводом первого куплета на китайский язык. Далее следуют песни «По долинам и по взгорьям», «Вечер на рейде» (муз. В. Соловьева-Седого; сл. А. Чуркина, 1941) с переводом.

Начинается новый этап в жизни Ирины – появляется целый блок песен романтического настроения: «Провожанье» (муз. В. Захарова, сл. М. Исаковского – «Дайте в руки мне гармонию, золотые планки...»), «Раскинулось море широко» (муз. неизв. автора, слова Б. Тимофеева). Следующая песня, которая была записана на слух – «Черёмуха» («За окном черемуха колышется»; муз. неизв. авт., сл. Б. Тимофеева), без второго и третьего куплетов

1. Здесь и далее запись по возможности воспроизводится в соответствии с орфографией и пунктуацией записей в альбоме.

Далее с правой стороны рукою Ирины по очереди записаны песни: «Калина», «Катюша», «Тройка», «Степь», «Пряха», «Тонкая рябина» – самые любимые китайцами песни той поры, до сих пор хранящиеся в памяти старого поколения. В начале 50–60-х гг. эти песни стали весьма популярны в Китае (как на русском, так и на китайском языках). Песня «Калина» в «поминушке» сопровождается неточным переводом на китайский язык, то же самое можно сказать и о текстах любимой в Китае «Катюши», песне «Тройка» и других песнях.

«Степь» (муз. С.П. Садовского) написана в «поминушку» уже другим человеком. Следует отметить, что распространённый в России текст песни – фольклорная переработка стихотворения И. Сурикова «В степи» (1865), которое, в свою очередь, было навеяно старинной ямщицкой песней «Степь Моздокская». В «поминушке» Ирины песня именуется также, как и в русском языке – «草原» (в кит. источниках «茫茫大草原»). Но её текст отличается от принятого китайского варианта.

Это – первая песня, которая была вписана в «поминушку» другим человеком в 50-е годы, и, вполне возможно, это была уже песня «на память». В то время начинается массовый исход трёхреченцев с родных мест. Причинами стали образование КНР в 1949 г., передача Советским Союзом в 1952 г. прав на КВЖД китайской стороне, война в Корее, решение советского правительства в 1954 г. использовать русских эмигрантов на освоении целинных земель. Тогда пропагандистская машина работала по отлаженному алгоритму: демонстрировались советские фильмы, распространялись газеты и книги из СССР. С 1962 г. китайские власти стали выпускать русских из Трёхречья и в другие страны. Большинство уехало в Австралию (225 семей), поселившись главным образом в Сиднее и Брисбене.

В это время Ирина была вынуждена заново пережить горечь расставаний. Над заголовком песни «Степь» почерком Ирины вписаны имена: «Вера Ин<н>окентьевна Пашкова, Евдокия Ин<н>окентьевна Парамонова». Сбоку на полях имена одно под другим: «Вася, Марина, Лиза, Павел, Лида» – возможно, это дети одной из сестёр, друзья Ирины.

На следующей странице блокнотика – перевод песни, затем её продолжение и подпись: «Марина Парамонова», по всей вероятности, это – автор записи, подруга Ирины.

Обращают внимание на себя три последних куплета:

*Ты лошадушек
Сведи к батюшке,
Передай поклон
<Моей – зачеркн.> Родной матушке.*

*А жене скажи
Слов<a> прощальное,
Передай кольцо
Обручальное.*

*И <ещё – зачеркн.> скажи ты ей,
Чтоб не печалилась,
Чтобы с другим она
Обвенчалась.*

Очевидно, перед нами дореволюционный текст песни, который исполнялся в семье трёхреченцев, передаваясь от поколения к поколению (*Песни и романсы русских поэтов... 1965: 197*). Ирина также всей душой рвётся в СССР, куда уезжают её сверстники и откуда ей пришлось поневоле уехать. Данный жизненный сюжет проиллюстрирован последующими лирическими свидетельствами – песнями «Тонкая рябина», «Ед<и>м мы друзья».

В 1950-е гг. численность русского населения Трёхречья уменьшается, а доля китайцев увеличивается. В Китае начинается политика «большого скачка» (1958–1960 гг.) и последовавшая затем культурная революция (1966–1976 гг.). Заметно осложняет положение и начавшееся во второй половине 1950-х годов ухудшение советско-китайских отношений.

После прежних откровенных свидетельств прорусских настроений Ирины в «поминushке» в новых условиях появляется следующая песня:

«Солнце взошло в родном крае»

В небе лазурном тихо бегут белые облака,

Быстрые кони резво бегут, твёрдо ведёт рука.

Степь словно сад цветёт кругом, птицы поют надо мной.

Радость и гордость в сердце моём, гордость моей страной.

Здесь миллионы дружных людей в мире и счастье живут,

Партии славу поют своей, <Мао-Цзе Дун>

Славу поют.

Вместе с народом я пою, славлю свободу труда.

Солнце взошло в родном краю, солнце <зачёркнуто> не закатит<ь>ся никогда!

Настроение песни перекликается с содержанием советской песни «Край родной» (муз. Д. Кабалевского, сл. А. Пришельца, 1955). Очевидно, что текст песни написан в Трёхречье в 50-е гг. и отражает реалии трёхреченской жизни; причём, скорее всего – написан именно на русском языке носителем языка, а не переведён. Среда трёхреченских полукровцев богата поэтическими талантами, а билингвизм русских потомков позволяет им органично реализовывать эти таланты на русском и китайском языках, встречая поддержку у титульной нации – ханьцев. В данной песне налицо умелое сочетание тонкого лирического восприятия родных с детства образов-топосов Трёхречья – Внутренней Монголии (облака, степи, бегущие кони) и официальной прагматики текста, китайской велеречивости (партия, Мао Цзедун, слава, счастье труда, солнце).

Кроме указанных текстов, в те же годы были записаны уже изменившимся почерком повзрослевшей девушки следующие песни, навеянные отчасти советским кинематографом: «Каким ты был, таким остался» (к/ф «Кубанские казаки»), «Утро» (с характерным выражением «стены дремного Кремля»), «Рябина», «Подмосковные вечера» («<Под> Московские» вечера»), «Родина» и т.д.

В годы «культурной революции» семья Ирины, несмотря на славную биографию приёмного отца, сильно пострадала. Очевидно, «поминushка» ею была где-то спрятана. Более поздние записи были сделаны после 1975 г. Начало им было положено так называемыми «сиротскими песнями» и «жестокими романсами». В 1978 г., уже будучи зрелой женщиной, Ирина пошла работать в школу учителем.

В последующие годы в «поминушке» появились песни, созданные в Советском Союзе в 70–80-е и уже в постсоветской России, вплоть до середины 2000-х гг.

С 90-х годов начинаются визиты в Трёхречье земляков, уехавших в 50-е гг. в Австралию и в СССР. Появляются записи, оставленные ими Ирине на память. Так, на одной из первых страниц с левой стороны твёрдым почерком иероглифами написаны три имени родственников: 王宝船 (Ван Баочуань) 51, 王宝逢 55 (Ван Баофэн), 王宝财 (Ван Баоцай) 52 и пожелание: *«Дорогим землякам, сохранившим в трудное время память о нашей большой Родине – России и о нашей малой Родине – Аргуни, моя любовь, уважение и преклонение. Доброго вам здоровья, долгих лет жизни. Хранит Вас Господь. Ваш Сергей Иннокентьевич. 2.06. 2011. День Во<с>несенья Христова»*.

Далее следует запись «на память» рукой взрослой Ирины песни «В землянке» с подписью «от Наташи Бакшеевой» и австралийский адрес на английском языке. Скорее всего, эта женщина приезжала в 2000-х гг. в Лабдарин из Австралии навестить родные места и надиктовала текст любимой песни. Так как её адрес записан по-английски, очевидно, что русской грамотой австралийская трёхреченка совсем не владела.

Сама Ирина в те годы почувствовала тягу к хорошей русской поэзии: ее рукой записан лермонтовский «Парус», предложение из Булата Окуджавы *«давайте жить в всем друг другу потакая, тем более что жизнь короткая такая»*. У Ирины росли дети, рождались внуки – видимо, это стало причиной записей детской потешки «Петушок-петушок, золотой гребешок» и считалки «Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять...»), полного текста песни «В лесу родилась елочка», «В лесу», «От улыбки». «Девичий альбом», пережив свои возрастные границы, стал постоянным спутником трёхреченской сберегательницы русского слова.

Включает «поминушка» и более поздние стихи на русском языке – возможно, собственного сочинения (в записи зачеркивания, исправления-редактирования). Лирика трёхреченских поэтов представляет собой образец наивной поэзии, характерной для изолированных сообществ (в том числе – солдатской лирики, тюремной лирики), и это вполне объяснимо отсутствием у многих из авторов элементарного среднего образования, незнанием образцов русской классики и советской поэзии, при этом – стремлением к сочинительству на русском языке.

Последняя песня, по всей видимости, отражает личные переживания Ирины, потерявшей в те годы мать:

«Туманы туманы»

*Стоит одиноко девч<ё>нка
рыдает, и тихо по детски
туманы зовёт:*

*Туманы туманы скажите туманы
чего моя мама ко мне не идёт .
Мне было лет 8, когда умерла
Ты, с тех пор на могилу ношу я цветы
С тех пор меня, мама, так крепко
не любят, никто <неласкает> так нежно как ты.*

Чуть далее, после варианта песни «По диким степям Забайкалья» и др., появляется текст «старинной песни» «Кари очи».

Надо подчеркнуть, что тексты подобных «старинных песен» перемежаются записью советских песен («Три танкиста», «Огонёк», «На Волге широкой»), частушек. Интерес к частушке у трёхреченцев особенный. Демократичностью лексики, лаконизмом формы и легкостью воспроизведения частушки до сей поры наиболее востребованы на праздниках трёхреченцев. Частушки, написанные и Ириной, и другими людьми, занимают в «Поминушке» особое место – в книжечке это ¼ часть общего объёма (80 текстов).

*Я когда тебя любила
Краской губки мазала
Завлекать тебя ходила,
Под ворота лазала*

*Я на сопочке стою
На самой серединочке
Посмотрю на папин дом
Да мамину могилочку.*

Текст последней частушки точно запечатлел рисунок трёхреченского ландшафта: если, например, человек поднимается в деревне Караванной на Вознесенскую сопку, то оттуда действительно можно увидеть и кладбищенские кресты, и всю деревню.

Следующая частушка (уже от другого пишущего, еле-еле владеющего грамотой) фиксирует приметы одежды бедных трёхреченцев после войны:

*Мне не надо чики-брики
На высоких каблуках
Лишь бы личико красиво <-->
Ничего что в ичихах.*

Очевидно, интерес к «собираанию частушек» – общая тенденция в трёхреченской культуре. Важно подчеркнуть этнокультурную специфику русской припевки-частушки как жанра: благодаря своей лапидарности, остроумию, поэтическому синтаксису она не переводима на китайский язык (не говоря уже о матерщинных припевках) и остаётся исключительным признаком русскости. Не потому ли так тянется сердце трёхреченца к собиранию и сохранению русских припевок самого разного содержания?

Одновременно с началом реформ Дэн Сяопина начинается в Трёхречье полноценная «реабилитация» советской (для трёхреченцев – русской) песни. «Первыми ласточками» становятся песни 1970–1980 гг., об этом свидетельствуют записи в «поминушке»: 1-й куплет песни «Где-то багульник на сопках цветёт...» (муз. В. Шаинского, сл. И. Морозова, 1975), «Сладкая ягода» (муз. Е. Птичкина, сл. Р. Рождественского, 1975; с автографом «На память от Маруси»). Песня «Дурманам сладким верила...» («Один раз в год сады цветут», муз. В. Шаинского, сл. М. Рябининой, 1975) записана на слух, с элементами народной этимологии некоторых

слов. В эти годы песни в Трёхречье приходят разными путями: так, песня «Там вдали цветёт черемуха в саду» внизу имеет подпись «1. 8. 1983. *Записываю по звукозаписи*».

После начала перестройки, когда трёхреченцы смогли свободно ездить в Россию на заработки, они стали привозить и новые песни – с разудалым пафосом, вульгаризованным поэтическим языком 90-х гг. Эти новшества в русской культуре весьма импонировали трёхреченцам – детям крестьян, самим бывшим крестьянам; вкрапление низового элемента в песенный репертуар давало возможность быть ближе к простонародной стихии фольклора. Кроме того, тексты этих песен позволяли хотя бы в ситуации исполнения на русском языке вкусить «русской вольницы», вдохнуть «свободы» от разного рода табу – социального, сексуального, эмоционального характера, которые определяли и до сих пор определяют границы дозволенного/недозволенного в официальной китайской культуре. Потому в «поминушке» Ирины появляются русские хиты 90-х гг.: «Ах, какая женщина, глаз не отведёшь...» (муз. и сл. В. Добрынина, 1995), «Русская водка, что ты натворила» (муз. Ю. Прялкина, сл. В. Цыгановой, 2008), «Напилася я пьяна» (муз. и сл. А. Костюка, 1998 г.). Песни про «русское пьянство» – отдельная тема в песенной культуре Трёхречья. Они и сейчас с энтузиазмом воспринимаются «полукровцами» как этнический индикатор русскости в целом, признак несравнимой русской удалости, национальной силы: «*Если русский не пьёт, то не русский*», – полагает А. Первоухин, один из русских Трёхречья.

Отдельное место в «поминушке» занимают записи грамматических правил и стилистических норм русского языка. Вполне возможно, они были сделаны в те годы, когда Ирину после «культурной революции» позвали работать учителем русского языка в школу в Лабдарин. За десятилетие, в течение которого полукровцы практически забыли русский язык, Ирина оказалась в сложной ситуации: ей нужно было соответствовать уровню учителя средней школы, чему она никогда не училась.

Завершают «поминушку» адреса знакомых в СССР (РСФСР, Казахстан), Австралии.

Поначалу «поминушка» стала духовным прибежищем девочки, изолированной от привычной для нее языковой и культурной среды; затем – способом этнокультурной и этнолингвистической идентификации в китайской среде, а затем – верным подспорьем в борьбе с личными бедами и недугами. Это – ретроспекция сознания ребёнка-билингва, воспитанного в системе советских идеологем и ценностей, история формирования девушки – этнокультурного маргинала, запечатлённая в слове часть духовной жизни зрелой учительницы-полукровки, пережившей «культурную революцию», сменившей деревенскую жизнь на городскую, воспитывающей детей и преподающей русский язык и русскую литературу.

Но частная история «поминушки» Ирины Громовой стала также примером настойчивого стремления многих русских трёхреченцев сохранить основы своей русскости: русской грамоты, русской речи, русского фольклора, которые они успели получить в детстве. В духовном многообразии запечатленных в «поминушке» текстов отразилась вся жизнь «большой Родины» русских полукровцев Трёхречья – от берегов Аргуни до «стен дремного Кремля», от русских песен конца XIX в. до шансона начала 2000-х гг., от переводов советских песен на китайский язык

до сочиненных в Приаргунье песен и припевок; от традиционной кухни русского Трёхречья до новоприобретённых рецептов и адресов, рассеивающихся по свету трёхреченцев-полукровцев.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АЗБЕЛЕВ, С. Н. (1975). Фольклор в системе общественного сознания в кн.: *Проблемы фольклора*. Издательство «Наука». Москва.
- Антология военной песни* / Сост. и автор предисл. В. Калугин. (2006). Издательство «Эксмо». Москва.
- АРГУДЯЕВА, Ю.В. (2016) *Русские казаки в Трёхречье*. Издательство Амурского государственного университета, ООО «ИПК «ОДЕОН». Благовещенск.
- БОРИСОВ, С. Б. (2002) *Мир русского девичества: 70–90-е годы XX века*. Издательство «Ладомир». Москва.
- БРОЙДО, А. (2008). Поэзия в казармах: очерки фольклора российских солдат. В кн.: *Поэзия в казармах: Русский солдатский фольклор (из собрания «Боян» Андрея Бройдо, Джаны Кутьиной и Якова Бройдо)*. «Объединенное гуманитарное издательство». Москва.
- ЕФРЕМОВА, Т. Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный, в 2 т., т. 1*. Издательство «Русский язык». Москва.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЗАБИЯКО, А. П. (2016 а). Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде. *Проблемы Дальнего Востока*, 2. С. 160–172.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЗАБИЯКО, А. П. (2016 б) Магия, демонология и видения в религиозной культуре русских Трёхречья. *Религиоведение*, 4. С. 96–111. Забияко А. А., Забияко А. П. (2017 а) История поколений русско-китайских семей в меморатах Трёхречья. *Уральский исторический вестник*, 1. С. 156–164.
- ЗАБИЯКО А. А., ЗАБИЯКО А. П. (2017 б) Русские в китайском Трёхречье: частные истории формирования маргинальной этничности (Иван Васильев). *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*, 12. Издательство Амурского государственного университета. Благовещенск.
- ЗАБИЯКО, А. П., ЗАБИЯКО, А. А., ЗИНЕНКО, Я. В. (2016 в) Народное православие русских Трёхречья. *Религиоведение*, 3. С. 121–136.
- ЗАБИЯКО, А. А., ЗАБИЯКО, А. П., ЛЕВОШКО, С. С., ХИСАМУТДИНОВ, А. А. (2015) *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*. Издательство Амурского государственного университета. Благовещенск.
- КЛЯУС, В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. (2015). Издательство ИМЛИ РАН.
- КУЛЕШОВ, Е.В. (2002). Предисловие. В кн.: *Рукописный девичий рассказ / сост. С.П. Борисов*. Объединенный гуманитарное издательство. Москва. С. 3–6.
- ЛЯН, ЧЖЭ. (2016) *Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.)*. Издательство Российского университета дружбы народов. Москва.

- НЕКЛЮДОВ, С.Ю. (2002) Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты. *Традиционная культура*, 3. С. 3–7.
- Песни о Ленине и Сталине* (1952). Издательство «Молодая гвардия». Москва.
- Песни и романсы русских поэтов (1965)*. Издательство «Советский писатель». Москва.
- ПЛАКСИНА, Н.Ю. (2009). Маргинальные страницы тетрадей в жанроведческом аспекте. (2009) *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2. С. 75–80.
- ТАРАСОВ, А.П. (2014) *Русская национальная волюнь Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае*. В кн.: *Общество и государство в Китае*. Издательство Института востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН). Т. XLIV. Ч. 2. Москва. С. 187–208.
- ЧЕКАНОВА, А. В. (2006) *Рукописный девичий альбом: Традиция, стилистика, жанровый состав*: диссертация кандидата филологических наук, 192 с. Москва.
- ЯНКОВ, А.Г., ТАРАСОВ, А.П. (2012). *Русские Трёхречья: история и идентичность*. «Экспресс-издательство».
- ЯНЬ, ГУАНЦИН, ДУН, СЯНЧЖУЙ. (2013) *Русская народность в Аргуни*. Издательство «Романтический город». Хайлар.

BIBLIOGRAPHY

- AZBELEV, S.N. (1975): Fol'klor v sisteme obshchestvennogo soznaniya v kn.: *Problemy fol'klora*. Izdatel'stvo «Nauka». Moskva.
- Antologiya voennoy pesni* / Sost. i avtor predisl. V. Kalugin. (2006). Izdatel'stvo «Eksmo». Moskva.
- ARGUDYAEVA, YU.V. (2016): *Russkie kazaki v Trekhrech'e*. Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, OOO «IPK «ODEON». Blagoveshchensk.
- BORISOV, S.B. (2002): *Mir russkogo devichestva: 70–90-e gody XX veka*. Izdatel'stvo «Ladomir». Moskva.
- BROYDO, A. (2008): Poeziya v kazarmakh: ocherki fol'klora rossiyskikh soldat. V kn.: *Poeziya v kazarmakh: Russkiy soldatskiy fol'klor (iz sobraniya «Boyan» Andreyka Broydo, Dzhany Kut'inoy i Yakova Broydo)*. «Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo». Moskva.
- CHEKANOVA, A.V. (2006): *Rukopisnyy devichiy al'bom: Traditsiya, stilistika, zhanrovyy sostav*: dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk, 192 s. Moskva.
- EFREMOVA, T.F. (2000): *Novyy slovar' russkogo yazyka*. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy, v 2 t., t. 1. Izdatel'stvo «Russkiy yazyk». Moskva.
- KLAUS, V.L. (2015): «*Russkoe Trekhrech'e*» *Man'chzhurii: Ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury*. Izdatel'stvo IMLI RAN.
- KULESHOV, E.V. (2002): Predislovie. V kn.: *Rukopisnyy devichiy rasskaz* / sost. S.P. Borisov. Obyedinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo. Moskva. S. 3–6.
- LIAN, ZHE. (2016): *Pravoslaviye v kontekste sovremennogo rossiysko-kitayskogo vzaimodeystviya (1949–2015 gg.)*. Izdatel'stvo Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Moskva.

- NEKLYUDOV, S.YU. (2002): Fol'klor: tipologicheskii i kommunikativnyi aspekty. *Traditsionnaya kul'tura*, 3. С. 3–7.
- Pesni o Lenine i Staline* (1952): Izdatel'stvo «Molodaya gvardiya». Moskva.
- Pesni i romansy russkikh poetov* (1965). Izdatel'stvo «Sovetskiy pisatel'». Moskva.
- PLAKSINA, N.YU. (2009): Marginal'nye stranitsy tetradey v zhanrovedcheskom aspekte. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2. S. 75–80.
- TARASOV, A.P. (2014): Russkaya natsional'naya volost' En'khe v Barge: poisk russkimi svoey natsional'noy identichnosti v prigranichnom Kitae. V kn.: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Izdatel'stvo Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk (IV RAN). T. XLIV. Ch. 2. Moskva. S. 187–208.
- YANKOV, A.G., TARASOV, A.P. (2012): *Russkie Trekhrech'ya: istoriya i identichnost'*. «Ekspress-izdatel'stvo».
- YAN, GUANGQING, DONG, XIANZHUI. (2013): *Russkaya narodnost' v Arguni*. Izdatel'stvo «Romanticheskii gorod». Khaylar.
- ZABIYAKO, A.A., ZABIYAKO, A.P. (2016): Russkie Trekhrech'ya: fol'klor kak osnova sokhraneniya identichnosti v kitayskoy srede. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2. S. 160–172.
- ZABIYAKO, A.A., ZABIYAKO, A.P. (2016): Magiya, demonologiya i videniya v religioznoy kul'ture russkikh Trekhrech'ya. *Religiovedenie*, 4. S. 96–111.
- ZABIYAKO A.A., ZABIYAKO A.P. (2017): Istoriya pokoleniy russko-kitayskikh semey v memoratakh Trekhrech'ya. *Ural'skiy istoricheskii vestnik*, 1. S. 156–164.
- ZABIYAKO A.A., ZABIYAKO A.P. (2017): Russkie v kitayskom Trekhrech'e: chastnye istorii formirovaniya marginal'noy etnichnosti (Ivan Vasil'ev). *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh*, 12. Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Blagoveshchensk.
- ZABIYAKO, A.P., ZABIYAKO, A.A., ZINENKO, YA.V. (2016): Narodnoe pravoslavie russkikh Trekhrech'ya. *Religiovedenie*, 3. S. 121–136.
- ZABIYAKO, A.A., ZABIYAKO, A.P., LEVOSHO, S.S., KHISAMUTDINOV, A.A. (2015): *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira*. Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Blagoveshchensk.